

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2018, 6(2): 155-164

DOI: 10.13187/ra.2018.2.155
www.ejournal16.com

“I Feel it’s my Duty to Say the Following...”: Letters to the Main Department of Vocational Education about the Situation in the Kuban Polytechnic Institute in the Beginning of the 1920’s

Preparation for publication, introductory article and comments

Anna N. Eremeeva ^{a, *}

^a Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov, Southern branch, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The publication deals with the history of the first higher school of Kuban region, Kuban Polytechnic Institute (KPI), through the prism of letters to the Main Department of Vocational Education. The documents were written in the second part of 1920 and in the first half of 1921. The authors of the letters are the representatives of the revolutionary students, secretaries of the Communist cells in KPI. They informed about the situation in the higher school, the political moods of students and teachers. Hostility of some of them to Soviet power is due to their recent cooperation with anti-Bolshevik regimes. Manifestations of opposition between revolutionary and "old" students are described. The consequences of the recent competitive existence of two single-profile institutions in the same city are reproduced. It is reported about the difficult financial situation of the Kuban Polytechnic Institute, lack of necessary space and supply of students and teachers, which adversely affected the educational process.

The letters are located in the Fund of the Main Department of Vocational Education (Branch of higher technical education) of the State Archive of the Russian Federation. All documents are publishing for the first time.

Keywords: Kuban Polytechnic Institute, the beginning of the 1920s, letters to authorities, the Main Department of Vocational Education, students, teachers, Communist cell, political sentiment, material support.

История первого вуза на Кубани – Кубанского политехнического института (далее – КПИ) – реконструирована одним из пионеров изучения советской культуры Северного Кавказа, профессором Краснодарского политехнического института (Кубанского государственного технологического университета) И.Я. Куценко (1931–2018) (Куценко, 2008). Множество его брошюр и статей посвящено выдающимся столичным ученым, стоявшим у истоков вуза: Б.Л. Розингу, Н.А. Шапошникову, А.А. Ярилову и др. Кубанскую высшую школу 1920-х гг., в том числе и КПИ, «как плод классово-партийного подхода к высшему образованию», исследовал А.Ю. Рожков (Рожков, 2010). Политика властных структур по отношению к институтской профессуре рассмотрена А.Н. Еремеевой (Еремеева,

* Corresponding author

E-mail addresses: eranna2000@mail.ru (A.N. Eremeeva)

2016). Ценным источником являются опубликованные мемуары дочери Б.Л. Розинга, студентки архитектурного отделения инженерно-строительного факультета КПИ в 1919–1921 гг. Л.Б. Твелькмейер (Твелькмейер, 2008).

Несмотря на кратковременность существования КПИ (1918–1923), его история сохранена в многочисленных документах, в основном хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края (далее – ГАКК). Достаточно репрезентативны материалы делопроизводства Ведомства народного просвещения Кубанского краевого правительства (ГАКК. Ф. Р-5), Канцелярии Совета Кубанского краевого правительства (ГАКК. Ф. Р-6), Кубано-Черноморского областного отдела народного образования (ГАКК. Ф. Р-365), Кубано-Черноморского областного революционного комитета (ГАКК. Ф. Р-158), коллекции документов по истории Кубани, собранной краеведом П.В. Мироновым, который являлся председателем правления Общества попечения о Кубанском политехническом институте (ГАКК. Ф. Р-1547).

Обширный, включающий более 1400 дел, фонд института (ГАКК. Ф. Р-229) содержит множество документов, отражающих формирование вузов Обществом попечения о Кубанском политехническом институте и практически параллельно Кубанским краевым правительством, существование одновременно «общественного» Северо-Кавказского политехнического института (далее – СКПИ) и правительственного КПИ, их объединение осенью 1919 г., произошедшее отчасти благодаря вмешательству А.И. Деникина, функционирование вуза после окончательного установления советской власти. Это учредительные документы, протоколы заседаний совета института и советов факультетов, анкеты и заявления студентов, преподавателей, экзаменационные ведомости, переписка руководства института с вышестоящими органами, касающаяся материального обеспечения деятельности института, кадров и т.д. Документы собственно студентов представлены их заявлениями на имя руководителей института и факультетов. Их тексты нередко включают ценные сведения об обстоятельствах жизни студентов в условиях социальных катаклизмов, организации учебного процесса. В фонде отложились заявления абитуриентов, получивших впоследствии известность в различных сферах, в т.ч. классика адыгейской литературы Т.М. Керашева, знаменитого изобретателя С.Д. Кирлиана (не имевшего образовательного ценза, зачисленного вольнослушателем).

Отдельные документы, имевшие конфиденциальный характер, отправлялись напрямую в вышестоящие инстанции. В фонде Главного управления профессионального образования (далее – Главпрофобр) Наркомата просвещения РСФСР в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ) хранится дело, состоящее из 247 листов, озаглавленное «Учебные планы и списки личного состава Кубанского политехнического института, сведения по выпускам студентов высших учебных заведений за 1910–1920 гг. и др.» (ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184). Помимо документов, аналогичных имеющимся в ГАКК, здесь отложились письма молодых людей – представителей «революционного студенчества», секретарей коммунистической ячейки (комячейки) института в Главпрофобр. Все письма датированы второй половиной 1920 – первой половиной 1921 гг. и, как правило, представляют собой критический анализ деятельности высшего учебного заведения, характеристику политических настроений преподавателей и студенчества, борьбу группировок, проблемы снабжения продовольствием и предметами первой необходимости. Затрагиваются также последствия недавнего сосуществования в Екатеринодаре двух политехнических вузов (ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 108–109).

Описанные в представленных письмах процессы были характерны не только для КПИ, но и для всех вузов, работавших в годы Гражданской войны на несоветских территориях, в условиях массовой миграции научных сил и молодежи из Петрограда и Москвы. В этих учебных заведениях было немало студентов, сражавшихся в антибольшевистских вооруженных формированиях. Профессора параллельно являлись чиновниками правительственных учреждений антибольшевистских режимов. После установления советской власти эти обстоятельства стали главным «козырем» просоветски настроенных студентов и сотрудников, боровшихся за классовую чистоту, причиной преследований со стороны властей.

В новых вузах, возникших в революционные годы, особенно ощущались недостаток помещений, оборудования, жилья для преподавателей и студентов. Серьезной проблемой

практически повсеместно были перебои в снабжении продовольствием и предметами первой необходимости. Ректор КПИ Ф.Н. Веригин сообщал в Главпрофобр 7 июня 1921 г., что 28 октября 1920 г. студенты были милитаризованы «и как таковые должны были получать тыловой красноармейский паек, но фактически он почти не выдавался» (ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 129). Более или менее регулярно выдавался только хлеб. С 1 апреля 1921 г. КПИ «перешел в группу ударных учреждений, это повлекло за собой уменьшение пайка. В столовой на обед очередь 3–4 часа. Ведь в красноармейский паек керосин не входит. Почти безнадежно со снабжением студентов обувью и одеждой. Из-за отсутствия теплой одежды пропускаются занятия в холодное время. Сейчас половина студентов совершенно босая» (ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 129–129об.). В записке преподававших на инженерно-строительном факультете КПИ известных петроградских архитекторов А. Юнгера и А. Вайтенса отмечалось: «Студенчество Куб[анского] пол[итехнического] инст[итута] по сравнению с прочими вузами Росс[ийской] респ[ублики] было поставлено в совершенно исключительно тяжелые условия, которые не могли не отразиться на успешности проходимого в институте курса. В нижеследующем изложены все обстоятельства. 1918–1919 – период слияния двух институтов. 1920 г. – период перемены власти, 1920 г. – милитаризация и общ[ая] труд[овая] повинность, 1920 г. – труд[овая] повинность по рубке дров, 1921 г. – мобилизация IV месяца на саранчу, совпадающ[ая] с геодезической практикой, 1920–1921–1922 зимние месяцы – неотопляемое посещение института» (ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 18. Л. 13). Такого рода проблемы вузовской жизни отражены в публикуемых ниже документах №№ 1–3.

Профессора, несмотря на имевшиеся «охранные» удостоверения, подвергались мерам по «ущемлению буржуазии». В качестве примера в публикуемом документе № 3 приведено «уплотнение» известного математика, автора учебников А.И. Пароменского.

Многие ранее бежавшие из столиц на Кубань преподаватели стремились вернуться на прежние места жительства и работы. Тем более, что в результате более продуктивной, чем в регионах, деятельности столичных отделений Комиссии по улучшению быта ученых ситуация в Москве и Петрограде представлялась более выигрышной. Пайки и в целом снабжение ученых (и студентов) в столицах существенно отличались в лучшую сторону от провинциальных, о чем речь идет в документе № 1. Известный ботаник, профессор КПИ В.М. Арнольди, вернувшись из командировки в Москву, докладывал на заседании института 2 марта 1921 г., что «благодаря полному обеспечению профессоров квартирами и продовольствием вопрос о добывании пищи не стоит остро и не мешает вести научную работу в чрезвычайно широком масштабе. Недостаток специалистов остро чувствуется в Центре, и если условия жизни окраин не будут изменены и сделаны сносными, то центр увлечет всех специалистов России» (ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 309об.–310). Вывод автора документа № 2 о том, что «профессура считала свое пребывание на Кубани временным, думая при удобном случае, откомандироваться в центр, где, как они слышали, живет “вольготно”» (ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 50б.), сделан, вероятно, на основе подобных высказываний.

Ниже представлены четыре письма из Государственного архива Российской Федерации. Документы публикуются впервые, в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации; все являются подлинниками. Документы пронумерованы и озаглавлены публикатором. Раскрываемые сокращения приведены в квадратных скобках. В постраничных примечаниях даны комментарии.

№ 1

Докладная записка группы студентов Кубанского политехнического института в коллегия Главпрофобра

От 13-го августа с[его] г[ода] Советом Народных Комиссаров был издан декрет о милитаризации втузов¹. Мера эта продиктована необходимостью и желанием скорейшего производства крайне нужных в стране в данный момент техников-руководителей для

¹ ВТУЗ – высшее техническое учебное заведение.

восстановления промышленности и народного хозяйства, разрушенных войнами – империалистической и гражданской. Клич народной власти – все на фронт труда в болевом порядке стал кличем жизни, и в центре государства он уже претворяется в действительность.

И клич народной власти, и приказ о милитаризации стали известны и нам в Кубани, но осуществление их, в особенности последнего, в данный момент задерживается. В нашем Кубанском политехническом институте милитаризация не проведена. Студент по-прежнему совмещает и должность на стороне, и работу в политехникуме. При таких условиях проведение курса обучения в 3-х летний срок и осуществление 8-часового рабочего дня в станах политехникума невозможны, а, следовательно, невозможно и серьезное, диктуемое жизнью отношение к прямой нашей задаче – скорейшему накоплению знаний и опыта.

Учитывая всю ненормальность такого положения и малую продуктивность наших работ в данной обстановке, мы – студенты политехникума – через своего представителя обращаемся к центральной власти с настоятельной просьбой уравнивать нас в условиях работы с нашими товарищами в центре, как просим о скорейшем проведении в Кубанском политехническом институте социального обеспечения для студентов, дабы дать им возможность проявить максимум энергии и трудоспособности, для накопления знаний и опыта и для проведения их в жизнь.

С другой стороны, мы понимаем, что социальное обеспечение только для нас – студентов – вопроса продуктивной работы в политехникуме не решает. Необходимы лучшие условия жизни и работы для наших руководителей-преподавателей и профессоров. И мы с той же настоятельностью просим о предоставлении им академического пайка на равных условиях с преподавательским персоналом центральных высших учебных заведений.

Только осуществление этих мер и лучшие условия для Кубанского политехнического института в смысле оборудования и помещения могут привести к желательным результатам работы, к скорейшему производству знающих техников, столь необходимых народу и государству.

К докладной записке прилагается смета социального обеспечения студентов на 3 месяца до 1 января 1921 г. и список преподавательского персонала¹. В смету социального обеспечения студентов не включено оборудование учащихся одеждой и обувью, так как нормы возможного в этом отношении нам неизвестны. Но вопрос одежды и обуви обстоит для нас еще более остро, чем вопрос питания и прочих условий жизни и помощь в этом отношении мыслится, как скорейшая и необходимейшая.

Не разработаны также детали академического пайка. Мы полагаем, что он должен быть тем же, как и для преподавателей высших школ центра.

Уполномоченный от студенчества Кубанского политехнического
института (включая ком[мунистическую] ячейку)
студент-делегат Н. Кашинский

<подпись>

23 сентября 1920 г. г. Екатеринодар²

ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 173. Машинопись. Подлинник

¹ В деле данные документы отсутствуют.

² Над текстом документа красным карандашом написано «копия 1». Под документом простым карандашом написан его номер «Д 12 (12)».

**Доклад секретаря партийной ячейки КПИ
Николая Кожина в Главпрофобр¹**

Заведующему отделом ВТУЗ Главпрофобра
секретаря ячейки Куб[анского] политехнического
института (в Екатеринодаре²)
Кожина Николая³
19 янв[варя] 1921 г.

Доклад

В институте, по моему мнению, в большинстве собрались все те профессора, которые считали для себя неприемлемым советский строй. Это особенно было заметно при занятии Ростова советскими войсками⁴. В Екатеринодаре началась паника, и ряд профессоров, в т.ч. Пиочельский, Свальцов⁵ и др[угие] удрали за границу. Отношение профессуры к советской власти видно из следующих характерных моментов: 1. Мне, например, приходилось слышать фразы вроде «эксперименты этого сумасшедшего класса, стоящего у власти». 2. По мнению многих, «советский строй – это детская игра, в которую мы втянулись насильно, утопия, которая очень скоро себя изживет». 3. Комячейка считается у них нелепым учреждением, которая «мешает работать», вообще же они стараются подчеркнуть свою «аполитичность». 4. До сих пор некоторые из них делают вид, что не понимают смысла рабочих факультетов, например, или собеседований со вновь поступающими.

Конечно, в связи с этим у профессуры пропала охота работать: лекции пропускались хронически, все больше «по болезни»; редко без объяснения причин, тогда пропуски доходили до 5 %; на лекциях зачастую профессора выявляли свою неподготовленность, производившую чрезвычайно скверное впечатление на слушателей, или такие, как, 26 октября постановил президиум послать срочную телеграмму⁶ в Главпрофобр о количестве перерегистрированных студентов, и случайно было обнаружено, что 3 ноября

¹ В деле имеется несколько рукописных и машинописных копий данного письма, на двух из которых есть следующие пометы: «В дело Кубанского политехникума» (ГАКФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 5–50б. Л. 1); «Зарегистрировано зав[едующим] отд[делом] ВТУЗ 29 янв[аря] 21 г. (ГАКФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 5–50б. Л. 57).

² К 1921 г. постановлением Наркомата внутренних дел РСФСР от 7 декабря 1920 г., согласно ходатайства Кубано-Черноморского ревкома, г. Екатеринодар был переименован в Краснодар.

³ Кожин Николай Дмитриевич – секретарь партийной ячейки, военный комиссар КПИ в 1920 – начале 1921 г. (ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 258). 27 сентября 1920 г. при поддержке группы революционного студенчества был избран помощником ректора (ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 304).

⁴ Конец декабря 1919 г.

⁵ Обе фамилии в документе и его машинописных копиях искажены: «Пиочельский» вместо «Пио-Ульский», «Свальцов» вместо «Свищев». Автор письма не застал этих профессоров лично и, вероятно, плохо разобрал почерк в доступных ему документах. Между тем, в отчете ректора КПИ от 7 июня 1920 г. профессора Г.Н. Пио-Ульский, И.С. Свищев, а также Ф.А. Щербина (известный казачий политик и статистик, член-корреспондент Российской академии наук) фигурируют в разделе «выехавшие за пределы Советской России» (ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 251).

Пио-Ульский Георгий Николаевич (1864–1938) – русский ученый в области механики и теплотехники, инициатор внедрения турбин в морском флоте. В 1919 г. профессор и декан механического факультета КПИ. Товарищ председателя Технического совета при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. В конце декабря 1919 г. за свой счет командирован КПИ в Батуми, 6/19 февраля 1920 г. в письме просил о продлении командировки. (ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 433. Л. 22, 40). В Екатеринодар не вернулся. Эмигрировал. Организатор Русского научного института в Белграде

Свищев Иван Сергеевич (1875–1972) – геодезист и топограф. В 1918–1920 гг. занимал должности доцента и профессора КПИ. Судя по спискам присутствующих на заседаниях Совета КПИ (ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 62, 207), покинул Екатеринодар на рубеже февраля – марта 1920 г. Эмигрировал в Югославию. После войны жил в США.

⁶ Здесь и далее подчеркнуто в документе.

таковая еще не была послана (секретарь – профессор, член президиума заявил, что не было постановлено посылать телеграмму немедленно). Так влияло на работу не только настроение профессуры, но и еще два обстоятельства: 1. По-видимому, профессура считала свое пребывание на Кубани временным, думая при удобном случае, откомандироваться в центр, где, как они слышали, живет «вольготно». 2. Потом, я думаю, была мысль о том, что вот-вот переменится власть, и нужно как можно дольше сохранять ин[ститу]т в старом виде.

Что касается большинства студентов, то можно сказать, что это в будущем достойные преемники профессоров. Однажды беспартийный студент, пользующийся значительным авторитетом, заявил, что с комячейкой они не только не имеют ничего общего, но и не будут, и не хотят иметь.

Попытки комячейки организовать более или менее широкую революционную группу студенчества не удалась. Этому помешали и настроения студенчества, и агитация за углом со стороны некоторых «беспартийных». Был случай, когда на общем собрании студентов студент-коммунист предложил спеть «Интернационал», а студенты начали шумно расходиться, несмотря на то, что отдельные лица уже начали петь. Интересен и такой факт: на лекции по архитектуре профессор говорит, что «в прежние времена можно было строить здания массивные, и материала было много, и рабский труд был дешев, теперь же нужно точно уметь рассчитывать постройку, чтобы сэкономить и материал, и труд, ибо рабов нет». И вот кто-то из студентов в полголоса заявляет: «ничего, Третий Интернационал всех рабами считает». Общая усмешка. Неоднократно предложения ячейки проваливались и в совете, и в президиуме, т.к. профессура больше прислушивается к беспартийным, к «голосу студенчества». Кончая, я должен подчеркнуть, что это мои личные наблюдения, я думаю везде настроение ВТУЗ не лучшее. Нужно сделать только чистку среди студенчества и отчасти среди профессуры и дать институту управление, которое заставит всех работать.

1921 г. 19/01

Н. Кожин¹

<подпись>

ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 5–5об. Рукопись. Подлинник

№ 3

**Докладная записка секретаря партийной ячейки КПИ
Иллариона Маркевича в Главпрофобр**

Кубанский политехнический институт имеет достаточное число ученых сил, которые сосредоточились на Кубани, бежав в 1917–18 г. от революции и большевиков (более 100 ч[еловек]).

Студенчество, кроме принятых в 1920 г., крайне реакционно, так как при белых были особые условия приема (участников походов на большевиков)². Всего ст[удентов] более 900 ч[еловек].

Политехникум утвержден Главпрофобром в июле 1920 г. В октябре проведена милитаризация, и студенты были сняты с работ в учреждениях.

¹ Под документом карандашом написан входящий номер «Д (12) 8».

² Имелись в виду преимущества при зачислении (о чем сообщалось в прессе), выделение стипендий, составление индивидуальных графиков сдачи зачетов и экзаменов. К заявлениям о приеме в СКПИ и в КПИ 1918–1919 гг. потенциальные студенты прилагали удостоверения о службе в антибольшевистских формированиях (ГАКК. Ф. Р-229, Оп. 1. Д. 968. Л. 471). Ведомство народного просвещения Кубанского краевого правительства издало осенью 1919 г. приказы о стипендиях имени атамана Кубанского казачьего войска А.П. Филимонова, председателя Законодательной и Краевой рад, убитого в июне 1919 г., борца за «кубанскую самостоятельность» Н.С. Рябовола, Л.Г. Корнилова, убитых большевиками кубанского политика К.Л. Бардижа и его сыновей, историка казачества, профессора КПИ Ф.А. Щербины (ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 179. Л. 184, 233, 321).

Рабочий факультет открыт в конце ноября и рассчитан на 360 ч[еловек]. Возможно было принять только 138 ч[еловек] из-за отсутствия помещения. Из принятых – большинство рабочие-техники высокой квалификации.

Учебный год прошел более чем удачным. Занятия велись уже утренние от 36–48 недельных часов, посещение занятий 60–70 %.

Работе мешали следующие причины:

1. Необеспеченность зданием под занятия.
2. Необеспеченность профессоров и студентов квартирами.
3. Необходимость минимальным питанием и снабжением их.
4. Особые отношения и взгляд местных властей на институт и работников его.
5. Оторванность от центра.
6. Волнения студентов.

1. В смысле здания в распоряжении института находится небольшая провинциальная гостиница¹, совершенно не приспособленная под аудитории, тем более под лаборатории и мастерские величиной в 18–20 комнат, где теперь помещаются 5 факультетов со всеми курсами и отделениями. Там же ютятся и рабочий факультет. Кабинеты, лаборатории и мастерские разбросаны по городу и ютятся в бывших магазинах. В городе же имеются специально приспособленные здания, которые, как и все учебные заведения, заняты под лазареты (коммерческое училище, пять гимназий, женский институт и др.)²

2. Профессора не только уплотнены, но некоторые с семьями выселены в углы или ютятся временно за ширмами в лабораториях, но и здесь их перетасовывают по несколько раз (пример пр[офессор] Пароменский³, ст[арик] 70 л[ет]) Общежитий никаких нет и добиться не могли, и студенты выселялись за зиму более 60 %.

3. Паек выделялся не полностью и неаккуратно, и профессора, и студенты форменно голодали. Обмундирование не только не получали, но все профессора подвергались «ущемлению буржуазии» и у многих осталось только по одной паре белья. Профессора и студенты многие зимой ходили в деревяшках⁴.

4. Местные власти относились к институту как к чему-то лишнему и ненужному, которое необходимо ликвидировать как остаток контрреволюционного гнезда. Этого отношения он вполне заслуживал. Заняться им или вообще больше уделять внимания не позволила внешняя военная обстановка.

5. Оторванность от центра вносила в жизнь много недоразумений, так как приходилось за разрешением вопросов обращаться в те или другие органы, но неясность подчинения и подотчетности вносили большую путаницу.

Студенчество по классовому составу из семей интеллигенции. С приходом советской власти держали себя как бы придавленными, но позже, благодаря некоторым

¹ Гостиница «Метрополь» на ул. Красной.

² Об этом же сообщал в мае 1920 г. ректор КПИ А. Радциг в Кубанский ревком: «Большой пятифакультетный институт посещался до сих пор в совершенно непригодной для учебного дела гостинице «Метрополь» и в небольшом флигеле 1-го реального училища. Аналогичные учебные заведения в России обладают зданиями площадью в целые десятины <...>. Всего по подсчету для института нужно иметь 20 аудиторий и 105 мастерских и лабораторий» (ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 135). По мнению ходатая, в качестве помещения для института могли быть выделены «здания бывшей Мариинской гимназии со всеми постройками; винный склад с принадлежащими ему постройками и кладовыми». (ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 135об.).

³ Пароменский Александр Иванович (1850–1922) – математик, начальник Технического училища Морского ведомства. В 1919–1922 гг. – доцент, затем профессор КПИ (ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 429. Л. 5–19). Документы, хранящиеся в ГАКК, свидетельствуют о том, что в ноябре 1920 г. в рамках «ущемления буржуазии» он лишился непромокаемых сапог и итоге получил двустороннее воспаление легких. Пошив новых сапог вне очереди стал предметом переписки профессора, ректора и профсоюза работников просвещения (Еремеева, 2016: 9).

⁴ Деревяшки – обувь на деревянной подошве. Студентка КПИ тех лет Л. Твелькмейер вспоминала: «мы страшно обносились, летом уж давно стали носить сандалии на деревянной подошве, как и большинство жителей, на улицах шел от них характерный стук» (Твелькмейер, 2008: 93).

руководителям, стала проявлять себя и предъявлять даже политические требования (январские события, куда вмешалась даже ЧеКа¹).

Работа горсточки коммунистов до летнего триместра велась по линии диктатуры комячейки, и только после удаления руководителей² почувствовался перелом. Студенты занялись учебной жизнью, а профессура убедилась, что вывести политехникум возможно не подсиживанием и дождеванием «своих», а дружной работой с представителями власти.

Этот перелом учла ячейка и старается использовать его, чтобы хоть минимально улучшить материальное положение, как самой школы, так и ее работников.

Ячейка в последнее время сама выдвинула ин[женера] Веригина³ в ректоры, который может повести и поставить надлежаще работу. Что касается других кандидатов в члены правления (Евангулова⁴ и Цытовича⁵), то они были уже причастны к правлению, но перетянуть их работать как следует, очень трудно, тем более, что их единодушно выдвинули профессора.

Если оставить правление данного состава, то необходим на Кубани при нем если не военком, то вообще зоркий глаз комиссара. К этому пришли и местный губисполком⁶ и партком РКП⁷.

Секретарь комячейки

Ил[ларион] Маркевич⁸

<подпись>

26 июня 1921 г.⁹

ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 154–154 об. Машинопись. Подлинник

№4

Заявление студента экономического факультета КПИ Никифора Повстюка в Главпрофобр

Приехав с группой студентов и профессоров Кубанского политехнического института в Москву 26-го сего июня, я узнал, что Кубанский политехнический институт закрыт в январе 1921 г., и что в Краснодаре якобы в данный момент существует Северо-Кавказский

¹ ЧК – Чрезвычайная комиссия.

² Имелась ввиду смена руководства вуза.

³ Веригин Федор Николаевич (1879 – ?) – выпускник Института путей сообщения. Участвовал в постройке железных дорог в Центральной России и на Юге. Профессор КПИ с 1918 г., с сентября 1919 г. декан инженерно-строительного факультета. В 1921 г. ректор КПИ (ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 97). Автор проекта железнодорожного узла в г. Краснодаре.

⁴ Евангулов Михаил Георгиевич (1870–1942) – инженер-технолог, металлург. До революции профессор Петроградского технологического и горного института, Морской академии. Преподавал в КПИ с декабря 1919 г. по ноябрь 1921 г. В 1920 г. – декан механического факультета. Переведен в Петроград, согласно распоряжения Наркомпроса (ГАКК. Ф. Р. 229. Оп. 1. Д. 27. Л. 7. Д. 201. Л. 7. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 98).

⁵ Цытович Эраст Платонович (1874–1942) – физик, один из основателей скаутского движения в России. Преподавал физику и арифметику детям Николая II. С 1917 г. жил на Кубани. Исполнял обязанности министра народного просвещения Кубанского правительства в 1919 г. Профессор, проректор КПИ (ГАКК. Ф. Р. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 26–26об. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 202).

⁶ Кубано-Черноморский областной исполком

⁷ Вероятно, автор имел ввиду Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б), или Краснодарский отдельный комитет РКП(б)

⁸ Маркевич Илларион Данилович – работал в КПИ с сентября 1920 по июнь 1922 г. Военный комиссар, секретарь экономического факультета, затем уполномоченный КПИ в Москве при Главпрофобре. Направлен на учебу в Институт народного хозяйства им. К. Маркса (ГАКК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 353 а. Л. 1–6).

⁹ Резолюция в левом верхнем углу первой страницы документа: «26.7.1921 г. утвердить состав правления в следующем виде: ректор – проф[ессор] Веригин. Члены – проф[ессора] Евангулов и Цытович. Секретарь Гаврильченко. Зав отд[елом] ВТУЗ <подпись>».

п[олитехнический] и[нститут], директором которого состоит т[оварищ]. Бурмистров¹. По другой версии – в Краснодаре два института – Кубанский и Северо-Кавказский. Ввиду того, что подотдел ВТУЗа Главпрофобра заинтересован в восстановлении истины о существовании в Краснодаре политехнического института, я как студент бывшего Северо-Кавказского, а теперь Кубанского политехнического института считаю своим долгом сообщить следующее.

В 1918 г. в Краснодаре был открыт Северо-Кавказский политехнический институт. В конце [19]18-нач[але] [19]19 г. Кубанское краевое правительство открыло Кубанский политехнический институт. Таким образом, в начале 1919 г. существовало два политехнических института. В сентябре же 1919 г. оба института были слиты в один под названием Кубанский политехнический институт, который и существует до настоящего времени.

Студент 3-го курса эконом[ического] факультета
Кубанского политехнического института

Никифор Повстюк²

28 июня 1921 г. Москва³

ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 108–109. Рукопись. Подлинник

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 18-09-00289 А «Письма студентов “во власть” в Советской России 1920-х годов: научная подготовка комментированного издания».

Литература

Куценко, 2008 – *Куценко И.Я.* Кубанский государственный технологический университет, 1918–2008. Краснодар: Диапазон-В, 2008. 503 с.

Рожков, 2010 – *Рожков А.Ю.* Советизация вузов: кубанский сценарий (1920-е годы) // Еремеева А. Н., Рожков А.Ю., Стругова М. Р. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941). Краснодар: Кубанькино, 2010. С. 62–87.

Твелькмейер, 2008 – *Твелькмейер Л.Б.* Мой отец и его окружение // *Нестор*. 2008. № 12. С. 11–142.

Eremeeva, 2016 – *Eremeeva A.N.* “They came to professor K. at dawn...”: searches and arrests as perceived by the academic intelligentsia of southern of Russia (the beginning of the

¹ Бурмистров Алексей Яковлевич – один из учредителей Общества попечения о Кубанском политехническом институте, декан инженерно-строительного факультета СКПИ (1918–1919). До революции участвовал в строительстве военно-морской крепости в Ревеле, за что ему причитался крупный гонорар – 4,5 млн руб. Миллион из этих денег, которые оказались призрачными, он собирался пожертвовать на строительство здания КПИ и даже составил нотариальное распоряжение (**Куценко, 2008: 29**). В начала 1920-х гг. предпринимал попытки восстановить СКПИ. 30 июля 1921 г., распоряжением Главпрофобра от 29 января 1921 г., по докладу Бурмистрова КПИ был закрыт, вместо него открыт СКПИ. А.Я. Бурмистров, назначенный ректором, даже успел получить кредиты на оборудование и книги (**ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 61–67, 83–84**). Ситуация изменилась после ходатайства руководства КПИ и командировки в Краснодар старшего инспектора Рабоче-крестьянской инспекции. Он писал в Главпрофобр 30 июня 1921 г.: «Во время моей командировки на Кубань я убедился, что фактически существует Кубанский политехникум, а Северо-Кавказский политехникум вошел как часть в Куб[анский] политехникум. Полагаю, что Бурмистров, забракованный в качестве научного работника партийной комиссией, ведавшей объединением 2-х политехникумов, внес вместо фактов лишь “желаемое и ожидаемое”» (**ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 4. Д. 184. Л. 90**).

² Повстюк Никифор Лаврентьевич – родился в 1884 г. в Екатеринославской губернии в крестьянской семье. Окончил Тифлисский учительский институт, работал в учебных заведениях Кубанской области. В 1918 г. поступил в СКПИ (**ГАКК. Ф. Р 229. Оп. 1. Д. 58. Л. 45–46**). В 1921 и в 1922 гг. командировался в Москву с целью сбора материала для дипломной работы о профсоюзном движении в Советской России. В мае 1922 г. защитил диплом и оставлен в КПИ для подготовки к преподавательской деятельности (**ГАКК. Ф. Р 229. Оп. 1. Д. 434. Л. 1–5**).

³ На первой странице заявления имеется номер документа «Д 12 (8/34)».

1920's.) // *Journal of international network center for fundamental and applied research*. 2016. №1 (7). P. 4–14.

References

Kucenko, 2008 – *Kucenko I.Ja.* (2008). Kubanskij gosudoarstvennyj tehnologicheskij universitet, 1918–2008 [Kuban state technological University, 1918–2008]. Krasnodar: Diapazon-B, 2008, 503 p. [in Russian].

Rozhkov, 2010 – *Rozhkov A.Yu.* (2010). Sovetizaciya vuzov: kubanskij scenarij (1920-e gody) [The Sovietization of higher education: Kuban scenario (1920-ies)] // Eremeeva A.N., Rozhkov A.Yu., Strugova M.R. *Nauka i vlast': kubanskij kontekst (1917–1941)* [Science and power: the Kuban context (1917–1941)]. Krasnodar: Kuban'kino, 2010, pp. 62–87 [in Russian].

Tvel'kmejer, 2008 – *Tvel'kmejer L.B.* (2008). Moj otec i ego okruzhenie [My father and his entourage] // *Nestor*. 2008. № 12, pp. 11–142 [in Russian].

Eremeeva, 2016 – Eremeeva A.N. (2016). “They came to professor K. at dawn...”: searches and arrests as perceived by the academic intelligentsia of Southern of Russia (the beginning of the 1920's.) // *Journal of international network center for fundamental and applied research*. 2016. №1 (7), pp. 4–14 [in Russian].

«Считаю своим долгом сообщить следующее»: письма в Главное управление профессионального образования о ситуации в Кубанском политехническом институте в начале 1920-х гг.

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Еремеева Анна Натановна ^{a, *}

^a НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Южный филиал, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Публикация отражает историю первого вуза Кубани – Кубанского политехнического института сквозь призму писем в Главное управление профессионального образования. Документы датированы второй половиной 1920 – первой половиной 1921 гг. Авторы писем – представители революционного студенчества, секретари коммунистической ячейки КПИ – информируют о ситуации в вузе, политических настроениях студенчества и преподавателей. Враждебность значительной их части советской власти объясняется недавним сотрудничеством с антибольшевистскими режимами. Описаны проявления противостояния революционного и «старого» студенчества. Воспроизводятся отголоски недавнего конкурентного существования двух однопрофильных вузов в одном городе. Сообщается о тяжелом материальном положении вуза, недостатке площадей, нерегулярном снабжении студентов и преподавателей, что негативно сказывается на учебном процессе.

Письма извлечены из фонда Главного управления профессионального образования (отдел высшего технического образования) Государственного архива Российской Федерации. Все документы публикуются впервые.

Ключевые слова: Кубанский политехнический институт, начало 1920-х гг., письма во власть, Главное управление профессионального образования, студенчество, профессорско-преподавательский состав, коммунистическая ячейка, политические настроения, материальное обеспечение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eranna2000@mail.ru (А.Н. Еремеева)